

АФГАНСКИЕ ПИСЬМА ВОЛОДИ

«Вова был всеобщим любимцем... Дружелюбие, заботливость о других, стремление поделить с друзьями доставляло ему радость. Это было потребностью его души, — так начинается рукопись воспоминаний о сыне Ангелины Владимировны Некрасовой. В семейном альбоме сохранился снимок, где шестилетний Вова на торжественном митинге в День Победы 9 мая 1970 года читает стихи на центральной площади поселка Молочное.

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь останешься.
Могиле этой дорогой
Всем сердцем
поклонись...

А после митинга было возложение цветов к памятнику землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Здесь есть и имя Вовыного дедушки. Может, именно это детское воспоминание стало причиной, что со своей первой покупки купил Владимир Некрасов сувенир — копию памятника защитникам страны, погибшим в годы войны, поставил на своем рабочем столе и наказал маме: «Пусть всегда тут стоит».

Его судьба складывалась обычно, в ней были школа, занятия спортом, после восьмилетних классов — ГПУ-28, учеба по профессии — наладчик шлифовальных станков. Цел в хоре, играл в музыкальном ансамбле, увлекался верховой ездой. Стал конником — спортсменом третьего разряда. Особенно маме запомнился день выступлений на стадионе «Динамо» в Вологде в День города. Конно-спортивная секция гарцевала в буденновской форме. Шел проливной дождь. «Может, плащ или зонт принести?» — спросила сына Ангелина Владимировна, а он ответил: «Что ты, мама, мы же буденновцы! Не положено».

В июле 1982 года, вместо декабря по плану, досрочно В. Некрасов защитил диплом, получив четвертый разряд по специальности наладчик шлифовальных станков и отличную характеристику. В сентябре добровольно и досрочно он подал заявление о

службе в Советской Армии. В горвоенкомате ему ответили, что на это нужно согласие родителей. С неделю он уговаривал маму, пока она не решила поехать в военкомат и подтвердить свое согласие на призыв сына.

30 сентября родные и друзья проводили Володю на службу, со всеми он простился на вокзале. И только бабушке не позволил ехать, простился с ней в Молочном у автобуса, зная, что ей, вдове солдата Великой Отечественной, будет очень тяжело эта вокзальная сцена с командами, погрузками, «Прощаньем славянки» — символом слез и потерь 41-го года.

В квартиру с тихими окнами на излучину реки Вологда и заречными лесами стали приходить вести. В письме от 12 октября 82 года есть строки: «Нахожусь в 280 км от афганской границы в подразделении по забороске в ДРА. Мама, не расстраивайся, все будет нормально, я жив, здоров, устаю очень». 18 октября он пишет: «Целыми днями занимаюсь стрелковыми подготовками и марш-бросками, по шесть км в песках, изматываемся до изнеможения... Ты за меня не расстраивайся, я все смогу, все выдержу, я полностью долг перед Родиной».

А потом пошла его афганские письма. Вот — с некоторыми сокращениями — одно из них.

«Здравствуй, братишка! Хочу сообщить тебе, что сейчас я нахожусь в госпитале, только об этом никто не должен знать... Получилось это так: я выпел ночью из даота ва улипу, чтобы проветриться. И когда я взял сигарету в рот и зажег спичку, сразу раздался выстрел из долины, это был снайпер. Только повезло мне, попал в правую ногу, чуть ниже колена. Сразу резанула меня такая боль, что я чуть не бухнулся, но с трудом вытерпел и, перевернув автомат, всадил очередь в то место, откуда стреляли... Наутро пошла туда и принесли душмана со снайперкой пакистанского изготовления.

...Вот лежу и ничего не делаю. Маме скажи, чтобы не волновалась за меня, что об-

становка тихая. А на самом деле не бывает дня, чтобы где-нибудь не обстреляли пост. Ну, братишка, сам понимаешь, служба у меня не из легких выпала, но служить надо, я ведь принимал присягу, и это мой долг».

Вскоре после возвращения Володи из госпиталя его взвод перевели на перевал Саланг.

Это были трудные боевые будни: засады ночью против душманов Ахмалшаха, патрулирование, охрана трубы нефтепровода и тоннеля, проческа кишлаков по тревоге.

Не случайно в это время Володя пишет короткие письма и порой отвечает одним на 2—3 письма от родных. Несмотря на огромные нервные и физические перегрузки, ему по-прежнему не изменяют наблюдательность, легкий юмор, спокойствие, суровая требовательность.

31-го июля он пишет: «Здравствуй моя дорогая, любимая бабушка!.. Я жив, здоров, ничем не болею, и вообще, у меня все хорошо. Вот уже подходит к концу десятый месяц моей службы, а там, смотришь, и год пройдет, а за ним и еще один, а потом я всех вас увижу и будет о чем поговорить с вами. Очень соскучился по тебе и по всем остальным, но служба есть служба».

Как и другие солдаты, он радуется каждому письму, очень ждет их, он любит, когда в праздничном обеде есть конфеты, или когда можно, придя с мороза, с поста, «попить кофе со сгущенкой вволю». Володя был умелым солдатом, «я здесь и птукатуром, и каменщиком, сейчас — заведующий оружейным складом». Это была суровая школа жизни... «Вот уже пошел восемнадцатый месяц службы, а кажется, как будто полжизни здесь прошло. Я не жалею, что попал сюда служить, здесь я многое пережил, испытал себя на выносливость и познал цену человека, цену жизни». — так написал Володя в письме от 5 марта 84 года.

Но сознание постоянной опасности входило в плоть и кровь. В письме к брату, радуясь его счастью и поздравляя его со свадьбой, Володя

пишет: «...Жалко только одно, что не погуляю на твоей свадьбе, а может быть, и ты на, моей не погуляешь, а может, случится так, что вместо моего письма получите вы похоронку, а в ней написано «погиб при выполнении боевого задания». Вот так может случиться каждую минуту». Это письмо было написано после тяжелого боя, когда колонна машин-наливняков попала в засаду.

Рассказать о всех боевых эпизодах, упомянутых Володей в письмах, в очерке невозможно, для этого нужна как минимум — повесть.

Второго сентября, после проверки постов, вместе с товарищами Некрасов был в землянке, когда раздалось несколько взрывов на склонах горы, солдаты бросились к оружию. Душманы стреляли со всех сторон, пулеметчик, дежуривший на тропе, уже был убит. Володя понял, что это — нападение, огонь был сильный. Он доложил об этом по связи в полк. Помощь должна была подойти...

Бой был жестокий, товарищи Некрасова, отбивая нападение, уходили из жизни один за другим, большинство были молодыми, еще не бывавшие в серьезных боях.

Через два-три часа подошла на броне разведвота. Разведчики уничтожили душманов, поднялись на разбитые позиции.

...Володя Некрасов был еще жив, патроны у него кончились, в руке сжимал гранату, словно уходил с горы он не собирался. В другой руке сжимал несколько мелких камешков... — Политые володиной кровью, они лежат сейчас передо мною...

Ему оставалось до увольнения всего 29 дней...

Пуля пробила каску и сорвала часть черепной кости. Когда его несли, даже стонать не было слышно. Володя просил только нести его потише, беречь голову. Глубокой ночью он был доставлен в Баграмский госпиталь, где врачи сделали все, чтобы спасти его жизнь, но рана была смертельной.

Привез Владимира Некрасова на родную землю старший лейтенант Галузин, на траурном митинге замолит

сказал только: «Товарищи!.. Нет, не могу. Не могу!». А там, в Афганистане, комсомольцы полка единодушно решили переименовать пост «Красная горка» и назвать его «именем старшего сержанта В. И. Некрасова». И поставили в память мужества своего боевого товарища обелиск.

Я думаю порой, а что там сейчас? Что стало с этой и множеством других пирамидок, увенчанных самодельными звездочками и обнесенных вместо оградки цепями? Так отмечали там, в «афгане», места гибели своих боевых товарищей наши солдаты.

Справедливо осуждение афганской войны как таковой, но то, что иные «быстрые» журналисты пытаются изобразить наших солдат едва ли не оккупантами — несправедливо. Письма В. И. Некрасова — маленькая частичка истории. Нет, такие, как Володя — не оккупанты, они защищали афганцев, делились с ними хлебом, водой.

Лишая их, павших и живых, права на героизм и мужество, отрицая интернациональное начало в подвигах, забывая о солдатской смекалке и взаимовыручке, мы зачеркиваем не только кровь и пот, страдания и раны солдат — «афганцев», мы лишаем себя еще одной частички памяти народной, пусть и очень горькой. Великая благодарность матерям, родным и близким погибших, которые передают на хранение в музей дорогие для них реликвии.

Ангелина Владимировна вместе с другими экспонатами-фотографиями и документами передала в вологодский музей истории комсомола и те святые для нее камешки. Спустя несколько лет, во время встречи в музее, однополчанья Володы Сергей Кабанов сказал его маме и всем нам так: «Я тогда лежал в медчасти, нас там человек пятнадцать было, раненые и больные, многие — в бреду. Если бы Володя не удержал высоту, душманы прорвались бы в расположение полка, к штабу, а нас всех просто бы перерезали. Так что ты, можно сказать, ему жизнью обязан, да и не я один»...

Могила В. Некрасова на сельском кладбище поселка Молочное, на высоком открытом взгорке, и зиму и лето мамы заботливые руки украшают ее цветами...

В. КАРПОВА,
главный хранитель фонда областного музея истории комсомола.